Только у нас

Авдотья Матвеевна Гончарова (1785-1851) - мать писателя

знал он и о том, что художник вместе с И. Панаевым и Н. Некрасовым подготовил в 1848 году «Иллюстрированный альманах» (приложение к «Современнику»), в который вошли его карикатуры на Булгарина и Кукольника, а также его сатирические стихи. Но, увы, альманах цензура запретила. Из воспоминаний Александра Гончарова, племянника романиста, известно, что тот подарил свою статуэтку работы Степанова и своему брату - Николаю Александровичу.

Замечу также, что Степанов создал шаржированный рисунок для печати, на котором изобразил Гончарова-цензора и себя, автора-художника. Иван Александрович выглядит на этом рисунке озабоченным, и тем не менее его окончательная реакция на представленный рисунок - положительная: «Да ведь это моя карикатура! Ну, батюшка, одолжили! А впрочем, печатать позволяется...». Надо сказать, что дружеские отношения Ивана Александровича с талантливым художником-карикатуристом сохранятся на долгие годы и он не раз помогал Степанову преодолевать цензорские придирки.

В упоминавшемся письме Ивана Александровича к сестре и Варваре Лукиничне говорилось, что он высылает «три печатные программы о приеме девиц в заведения» и еще книги для Варвары Лукиничны. К сожалению, до нас не дошли письма обитателей Хухорева к Гончарову. И только по письму писателя от 29 ноября 1849 года к Варваре Лукиничне можно представить галантность его отношения к незаурядной и прелестной гувернантке детей его сестры и глубину чувств, которые он сохранил к ней в своем сердце: «Я бы счел двойным преступлением пройти молчанием день Вашего рождения и день Ангела. Вы сами были так любезны, что вспомнили обо мне и почтили день моего рождения и именины милым, дружеским, очаровательным приветствием. Берегу его как выражение благодарной отплаты с Вашей стороны за мое смиренное поклонение Вашим достоинствам, за мои хотя слабые, но усердные знаки неизменного, братского к Вам расположения, за угождения, за старание быть полезным, за желание добра, за все, за все. Вы так тонко, истинно по-женски, умели оценить мою преданность Вашим разборчивым умом и сердцем. Храню это приветствие как свидетельство Вашего ума, доброты, грации, изящества чувств и всех, всех похвальных нравственных чувств, которые украшали, вероятно, украшают теперь и, конечно, будут украшать Вас вперед и которые так гармонируют с Вашей прекрасной наружностью».

Искусно воздав хвалу Варваре Лукиничне за ее приветствие, Иван Александрович не пожалел слов, чтобы выразить восхищение ее стараниями сеять разумное, доброе и вечное у своих питомцев, да и добрым отношением ко всем окружающим: «Вы так твердо, с такой гордостью, с достоинством и чистотой, стремились проходить, так чисто, безукоризненно проходите избранный Вами путь, что, конечно, и теперь с тем же редким самоотвержением жертвуете собой на пользу и удовольствие близких, насаж-

Вокруг света на военном фрегате «Паллада»

Иван Александрович, испытавший немало треволнений за три как бы тренировочные морские поездки в Кронштадт и обратно в Петербург, к моменту своего фактического обручения с «Палладой» подошел сравнительно спокойным и описал это незабываемое событие без громких слов.

«Приехав на фрегат, - вспоминал он, - еще с багажом, я не знал, куда ступить, и в незнакомой толпе остался совершенным сиротой. Я с недоумением глядел вокруг себя и на свои сложенные в кучу вещи. Не прошло минуты, ко мне подошли три офицера: барон Шлипенбах, мичманы Болтин и Колокольцев - мои будущие спутники и отличные приятели. С ними подошла кучка матросов. Они разом схватили все, что было со мной, чуть ни меня самого, и понесли в назначенную мне каюту. Пока барон Шлипенбах водворял меня в ней, Болтин привел молодого, коренастого, гладко остриженного матроса. «Вот этот матрос вам назначен в вестовые», - сказал он. Это был Фаддеев... «Честь имею явиться», - сказал он... Русые волосы, белые глаза, белое лицо, тонкие губы - все это напоминало скорее Финляндию, нежели Кострому, его родину»[10].

Офицеры, конечно, знали, что каюта, в которую они привели писателя, расположенная над каютой командира «Паллады» И.В. Унковского, предназначена для адмирала Путятина, находящегося сейчас по делам в Лондоне. Иван Александрович, наверно, был несколько смущен необычным вниманием к своей особе, но, как говорится, начальству было виднее, когда и куда его размещать. Наверняка и вестовой Фаддеев ведал, что каюта эта адмиральская, однако обустраивал ее для своего начальника быстро и сноровисто: за полчаса все вещи оказались там, где положено а книги расположил полукружием на комоде в углу и перевязал на случай качки веревками. В первые же дни Гончаров, изучив характер и способности своего симпатичного вестового, с удовлетворением сделал помету: «сметливость и «себе на уме» были не последними его достоинствами, которые прикрывались у него наружной неуклюжестью костромитянина и субординацией матроса»[11].

Статуэтки-карикатуры на И.А. Гончарова и Ф.В. Булгарина

Мичман Александр Болтин, убедившись, что секретарь адмирала, которого полагалось титуловать высокоблагородием, освоился с новой обстановкой, пригласил его в каюткомпанию, говоря словами романиста, «просторную комнату внизу, на кубрике, без окон, но с люком наверху, чрез который падал обильный свет. Кругом

[10] *Гончаров И.А. Собр. соч. в 8 томах. Т. 2. С. 23.*
[11] *Там же.*

цу приехал в своем крытом возке брат Николай Александрович, гимназический учитель русского языка и словесности Виктора Кирмалова, и, несомненно, один из тех добрых наставников, которые щедро делились с Варварой Лукиничной своими познаниями и педагогическим опытом.

Эту поездку можно назвать исторической, ибо Николай Гончаров 12 марта 1851 года возвращался в Симбирск в возке вместе со своим приятелем майором Дмитрием Ивановичем Минаевым, посвятившим ему свой стихотворный перевод «Слова о полку Игореве», и выпускником столичного университета Николаем Гавриловичем Чернышевским, получившим место учителя словесности в гимназии в родном Саратове. Через полмесяца славная компания добралась до Симбирска, и Николай Александрович вручил подарки родным, а также Варваре Лукиничне от брата-романиста[5].

Дом Кирмаловых в с. Хухорево Ардатовского уезда Симбирской губерни

А через полмесяца, в пятницу 11 апреля, после продолжительной болезни, 64 лет от роду, скончалась Авдотья Матвеевна Гончарова. Иван Александрович, тяжело переживавший потерю матушки, в письме от 5 мая к сестре Александре Кирмаловой после скорбных строк выразил сыновнюю любовь к матушке: «Жизнь ее, за исключением неизбежных человеческих слабостей, так была прекрасна, дело ее было так строго выполнено, как она умела и могла, что я после первых невольных горячих слез смотрю покойно, с некоторой отрадой на тихий конец ее жизни и горжусь, благодарю Бога за то, что имел подобную мать. Ни о чем и ни о ком у меня мысль так не светла, воспоминание так ни свято, как о ней»[6].

Иван Александрович, ставший после ухода из жизни крестного Трегубова и матушки главной опорой родных, в том же письме к сестре Александре в Хухорево, выполняя ее просьбу, подробно рассказал об условиях учения ребят в столичных инженерных корпусах и артиллерийском училище. Сам же он полагал, что ее сыну Виктору лучше было бы учиться в казанской гимназии, а затем и в тамошнем университете. Забегая вперед, отмечу, что романисту придется немало заниматься трудоустройством своих племянников.

С осени 1851-го Иван Александрович снова принялся за роман «Обломов» и, несмотря на различные трудности, к началу следующего года завершал подготовку первой части к печати. По старой традиции он выносил на суд Майковых и посетителей их салона новые главы. И уже во время чтения с удовлетворением заметил неподдельный интерес к роману 23-летнего Григория Петровича Данилевского. Несмотря на свою молодость, он сразу после окончания в 1850 году юридического факультета столичного университета получил место чиновника особых поручений товарища (заместителя) министра народного просвещения Авраама Сергеевича Норова. В следующем году Данилевский издал книжечку своих «Крымских стихотворений», немного спустя - перевод двух драм Шекспира, поэм Байрона и Мицкевича. Кроме того, молодой литератор регулярно печатал в «Московских ведомостях» репортажи под рубрикой «Петербургская жизнь», а в «С.-Петербургских ведомостях» - статьи и фельетоны из театральной жизни и очерки о выдающихся актерах. Наконец, в 1852 году, вскоре после посещения «хуторка близ Диканьки» и кончины их гениального автора, Данилевский публикует автобиографический очерк «Знакомство с Гоголем».

Неудивительно, что у Ивана Александровича быстро сложились добрые отношения с этим жизнерадостным и одаренным литератором (будущим автором «Княжны Таракановой» и других известных романов). Небезынтересным подтверждением доверительных отношений между ними являются строки писем Данилевского к академику Михаилу Погодину начала 1852 года. В первом из них он сообщил, что редакцией «Современника» была «наряжена комиссия к Гончарову, который и дает в февральскую книжку... свой роман «Обломовщина». Затем с сомнением добавил: «Не знаю, как пропустит его цензура, - вряд ли он выйдет цел и невредим». А во втором письме Григорий Петрович с огорчением поведал Погодину: «Гончаров же, как он мне сам вчера говорил, увидев, как цензура намерена уродовать его роман «Обломовщина», взял его назад и даже переделывать не будет»[7].

Знаменательным для романиста оказался тот августовский день 1852 года, когда Данилевский, навестив Майковых, передал Аполлону приглашение А.С. Норова отправиться в качестве секретаря начальника экспедиции в двухгодичное плавание на военном фрегате «Паллада». Тридцатилетний Аполлон Николаевич готовился через несколько месяцев сочетаться законным браком с давно любимой Анной Ивановной Штиммер и, конечно, сразу же отверг возможность своего участия в столь длительном путешествии. А вот Иван Александрович, недолго думая, дал согласие и в письме к Екатерине Александровне Языковой подробно изложил все «за» и «против» этого решения:

«Вы, конечно, спросите, зачем я это сделал. Но если не поеду, ведь можно, пожалуй, спросить и так; зачем остался? Поехал бы затем, чтобы видеть, знать все то, что с детства читал как сказку, едва веря тому, что говорят. Я полагаю, что если б я запасся всеми впечатлениями такого путешествия, то, может быть, прожил бы остаток жизни повеселее. Потом, вероятно, написал бы книгу, которая во всяком случае была бы, занимательна, если б я даже просто, без всяких претензий литературных, записывал только то, что увижу. Наконец, это очень выгодно по службе. Все удивились, что я мог решиться на такой дальний и опасный путь - я такой ленивый, избалованный! Кто меня знает, тот не удивится этой решимости. Внезапные перемены составляют мой характер. Я никогда не бываю одинаков двух недель сряду, а если наружно и кажусь постоянен и верен своим привычкам и склонностям, так это от неподвижности форм, в которых заключена моя жизнь»[8].

Иван Александрович энергично взялся за оформление бумаг для своего путешествия. Заручившись рекомендательным письмом А. Норова, он отправился в Петергоф, чтобы представиться своему будущему начальнику адмиралу Е.В. Путятину. Встреча с этим превосходным моряком лазаревской школы прошла благоприятно, и 28 августа 1852 года адмирал направил ходатайство министру финансов М.П. Вронченко об определении состоявшего в его штате И.А. Гончарова своим секретарем на время плавания. Тот согласился, и 9 сентября состоялось соизволение Николая I на откомандирование столоначальника Департамента внешней торговли Министерства финансов Гончарова секретарем начальника экспедиции адмирала Путятина, отправлявшейся на фрегате «Паллада» для «обозрения Северо-Американских колоний». Довольно оперативно Министерство финансов и Морское министерство согласовали финансовую сторону путешествия писателя. Правда, свой Департамент выдал на командировку всего лишь тысячу рублей, другую тысячу пришлось запросить у брата Николая из Симбирска и взять аванс у А. Краевского - в счет своих будущих публикаций в «Отечественных записках».

Так нежданно-негаданно начала сбываться не только его собственная мечта посетить дальние страны, но и мечта крестного Трегубова, часто говорившего во времена его детства: «Ах, если бы ты сделал хоть четыре морских плавания (морскою кампаниею считается каждые полгода, проведенные в море), то-то бы порадовал меня!»... Если бы

[5] *Трофимов Ж. Чернышевский и Симбирск. - Ульяновская правда, 1999, 4 сентября.*
[6] *Гончаров И.А. Собр. соч. в 8 томах. Т. 8. С. 278.*
[7] *Гончаров И.А. Полн. собр. соч. в 20 томах. Т. 6. С. 34.*
[8] *Литературное наследство. Т. 22 - 24. М.1935. С. 345.*